

В. Т. ПАШУТО

РУСЬ. ПРИБАЛТИКА. ПАПСТВО

Университет Дмитрия Пожарского

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

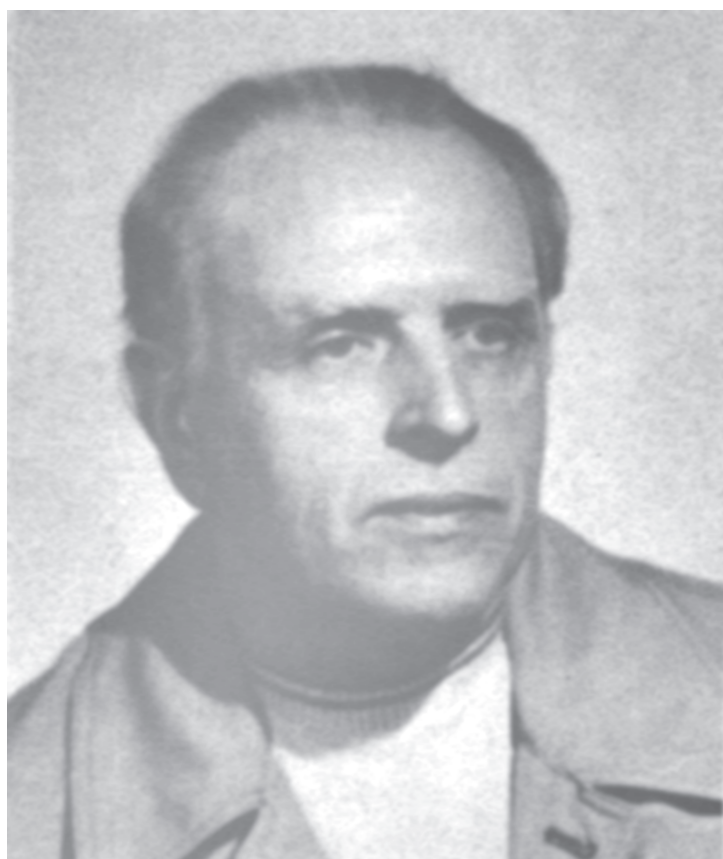
УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

К 90-летию В.Т. Пашуто

2008 год

Университет Дмитрия Пожарского
Москва, 2011

В. Т. ПАШУТО

РУСЬ. ПРИБАЛТИКА. ПАПСТВО

Избранные статьи

Университет Дмитрия Пожарского
Москва, 2011

УДК 94(4)
ББК 63.3
Д73

**Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского
и Ученого совета ИВИ РАН**

Издание подготовлено в рамках работы над проектом
«Исторический опыт разрешения конфликтов в эпоху политогенеза
(компаративное исследование)

Программа фундаментальных исследований ОИФН РАН
«Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»

Рецензенты:

Доктор исторических наук *В.А. Кучкин*
Кандидат исторических наук *Е.Л. Назарова*

Редакционная коллегия:

Доктор исторических наук *Е.А. Мельникова* (ответственный редактор)
Кандидат исторических наук *Г.В. Глазырина*
Доктор исторических наук *И.Г. Коновалова*
Кандидат филологических наук *В.И. Матусова*
Доктор исторических наук *А.В. Назаренко*
Доктор исторических наук *А.В. Подосинов*
Доктор исторических наук *Л.В. Столярова*
Член-корреспондент РАН *Я.Н. Шапов*

Ответственный секретарь тома
К.и.н. А.С. Щавелёв

Пашуто В.Т.

Д73 Русь. Прибалтика. Папство (Древнейшие государства Восточной Европы, 2008 год) / Ин-т всеобщей истории РАН. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. — 688 с.

ISBN 978-5-91244-078-6

Труды по социально-политической истории Древней Руси и Прибалтики выдающегося отечественного историка В.Т. Пашуто (1918–1983) определили на многие годы важнейшие направления исторических исследований и насыщены идеями и наблюдениями, не утратившими актуальность и в настоящее время. Публикация избранных работ В.Т. Пашуто имеет целью привлечь внимание современных исследователей к дискуссионным или мало изученным аспектам отечественной истории, а также к ранней истории стран Балтии, имеющей важное значение как для типологического изучения путей становления государства, так и для исследования политической и экономической истории Древней Руси.

© Отв. ред. и составитель Е.А. Мельникова, 2011

© Институт всеобщей истории РАН, 2011

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011

ISBN 978-5-91244-078-6

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Совсем недавно один из маститых немецких историков из числа младших сверстников В.Т. Пашуто, прочитав нашу статью о последнем¹, счел необходимым письменно засвидетельствовать нам свое недоумение, вызванное неуместным, по его мнению, под пером современного историка «панегириком» человеку, который приложил столько сил для «разоблачения» (пользуемся терминологией тех времен) многих заветных идей немецкой русистики. От внимания нашего почтенного корреспондента ускользнуло то важнейшее обстоятельство, что путь от «холодной войны» идеологий в исторической науке до заинтересованного внимания к концепциям западных коллег-русистов для историка советской формации естественным образом пролегал через идейное и, мы бы даже сказали, душевное опаматование внутри национальной исторической парадигмы. Именно этому применительно к В.Т. Пашуто на примере его работы над книгой о русских историках-эмигрантах (1992 г.) и была посвящена наша статья. Впрочем, обида немецкого коллеги понятна: тяжелая рука В.Т. Пашуто была долго наложена на немецкую *Ostforschung* — и в том, что сам этот термин почти исчез из ученого обихода даже в Германии, есть, думается, и его заслуга, а не только переориентации концептуальных усилий тех из немецких историков, ученый интерес которых простирается на так называемую *Ostmitteleuropa*.

Да, пора непримиримой полемики давно миновала, нынче в чести — и слава Богу! — совместные проекты и дружеские коллоквиумы. Время идет, но вот что странно: чем дальше в залетейскую область с несколько неуклюжим названием история исторической

¹ Назаренко А.В. Два лица одной России: В.Т. Пашуто как русский историк // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 349–360 (ДГ. 2007 год); первый вариант работы был опубликован в 1993 г.

науки отодвигаются от нас монументальные фигуры последних корифеев советской эпохи, тем больше растет ощущение потери. В его природе не мешало бы разобраться.

Разумеется, те, кто лично были близки с Владимиром Терентьевичем — автор настоящих строк имеет счастливое право принадлежать к этому кругу, — не могут не испытывать чувства личной утраты. С годами подобное чувство имеет обыкновение притупляться, и только память о больших людях растет обратно пропорционально времени. Вот и во Владимире Терентьевиче была удивительная прочность, учительствующая не одним словом, а и всей целокупностью личности, которой так шло категорическое лютеровское *hic sto*.

Все это так, но дело далеко не только в этом.

Среди пестрой разноголосицы, пышного цвета всевозможных виртуальностей, почти повсеместного зыбкого флера метанаучной «культурологической» неопределенности, дилетантских — часто до комизма — батрахиомиомахий на «постсоветском пространстве», беспризорного одичалого журнально-экранного «плюрализма» современному историку Руси и России остро не хватает чего-то, ушедшего вместе с людьми поколения В.Т. Пашуто. И если пытаться назвать это «что-то» одним словом, то более всего подошло бы — значительность. Мы как-то уж слишком быстро, почти разом измельчали. Не странно ли: вместе со своими заблуждениями и очевидными пороками советского регулирования исторической науки старики унесли с собой крупность — крупность идей и тем, твердость стояния, веру в значительность истории и достоинство историка, в важность, общественную и государственную, его дела — словом, то ощущение твердой почвы под ногами, без которого не может родиться и жить никакое подлинно гуманитарное знание.

Вот почему наша память и наша научная интуиция снова и снова обращается к учителям и предшественникам, к их мыслям и наследию. Ничто не в силах отменить евангельского: «Ученик не бывает выше своего учителя, но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его» (Лк. 6, 40).

Вот почему мы испытываем такую насущную нужду еще и еще раз попробовать вскарабкаться на их плечи (следуя одному из любимых речений В.Т. Пашуто: «Надо стоять на плечах, а не на костях предшественников») — в надежде не только увидеть дальше, но и через них, быть может, хотя бы отчасти обрести желанную прочность.

Вот какие мысли приходят в оправдание тому, что том «Древнейших государств Восточной Европы» за юбилейный, 2008-й, год (к 90-летию со дня рождения и 25-летию со дня кончины В.Т. Пашуто) составляют не посвященные памяти покойного ученого труды, а труды самого ученого. Обычно в таких случаях пишется, что переиздаваемые в сборнике работы рассеяны по труднодоступным изданиям и стали библиографической редкостью. Что ж, и это справедливо.

Задача отбора текстов для сборника была одновременно и сложна, ввиду обширности научного наследия В.Т. Пашуто, и проста. В центре интересов Владимира Терентьевича всегда стояла Древняя Русь, но и его увлеченность ранней Литвой — а отчасти и шире: Восточной Прибалтикой в целом — никак не назовешь периферийной. Если кандидатская диссертация ученого была посвящена Галицко-Волынской Руси (1950 г.), то докторская — уже происхождению Литовского государства (1959 г.). Все возраставшее с конца XII столетия участие Рима в событиях на востоке Европы и Балтики обусловило внимание к теме миссионерской политики папства.

Так родилась трехчастная структура тома. В ее рамках выбор диктовался как важностью содержания, так и соображениями объема. Понятно, что отдельного внимания вполне заслуживал бы, например, и блок работ о юридических текстах — от «Прусской» и «Помезанской правд» (1952, 1955 гг.) до «Корчульского статута» (1976 г.) — и статьи по летописеведению или истории международных связей — да мало ли еще о чем. Но одно дело — юбилейный том, и совсем другое — собрание сочинений.

Поверь, читатель, что том, который ты держишь в руках, достоин заинтересованного и сочувственного внимания, что его содержимое заслуживает спокойного, но равнодушного перечтения. Хочется верить, что будет немало и молодых коллег, кто обратятся к этим текстам впервые. Сейчас, когда временное и случайное в них не застит взор, отчетливее встает главное и непреходящее. Акциденции осыпались, но никуда не делись сущности.

Автор этих строк живо помнит, с какой радостью (отнюдь не злорадством!) Владимир Терентьевич отмечал на полях — он тогда работал над обширной рецензией на первый том итогового немецкого «*Handbuch der Geschichte Russlands*», которой придавал принципиальное значение, но которой так и не успел написать — всякий признак отхода от конфронтационных схем, каждый внимательный

взгляд в сторону отечественной историографии. В наших глазах выглядит глубоко символичным жест Манфреда Хелльманна (одного из столпов *Ostforschung* и, пожалуй, главного противника В.Т. Пашуто как на древнерусском, так и на литовском «фронтах»), который уже после смерти В.Т. Пашуто и совсем незадолго до собственной кончины прислал нам — а он не мог не знать, что имеет дело с питомцем своего давнего и принципиального оппонента — книгу с примирительной дарственной надписью. И этот заочный привет, право же, дорогого стоит.

А для нас он — еще один, почти лишний, повод попристальнее присмотреться к своему наследию, нерадивыми преемниками которого так не хотелось бы стать. Хорошее ли, плохое ли, но оно наше. И только от нас зависит, как мы им воспользуемся и распорядимся.

Так сделаем это ответственно, трезво, честно — и с любовью.

А.В. Назаренко

А.С. Щавелев

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В.Т. ПАШУТО: ВЗГЛЯД ИЗ 2000-Х ГОДОВ

Просматривая список трудов В.Т. Пашуто или даже просто взглянув на названия работ, отобранные для настоящего сборника, любому медиевисту сразу же бросается в глаза исключительная прозорливость, чутье историка в выборе тем своих исследований. Практически все проблемы, вынесенные в заголовки статей или параграфов написанного им раздела монографии «Древнерусское государство и его международное значение», так или иначе оказались в дальнейшем в центре самых острых дискуссий современной историографии. Некоторые выводы В.Т. Пашуто не были приняты, некоторые — пересмотрены, некоторые доказательства его тезисов не выдержали пристрастную источниковедческую проверку, но актуальность выбранных тем сомнений не вызывает.

Коллективная монография «Древнерусское государство и его международное значение» стала этапом русской исторической науки. Ее замысел и структура до сих пор задают образец для обобщающих работ по истории Древней Руси¹. Особенно это касается раздела, посвященного политической системе древнерусского государства.

Новаторский для своего времени и традиций советской историографии замысел анализа *структуры* политических институтов и *формы* раннего государства был задуман В.Т. Пашуто несколько раньше. Схема будущего монографического текста просматривается уже в статье 1962 года «О мнимой соборности древней Руси»².

¹ Ср.: Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008.

² Пашуто В.Т. О мнимой соборности Древней Руси // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962. С. 162–214.

Эта статья «официально» была посвящена критике спекулятивных теорий об «особом пути» России, ее гармоничной всенародной «соборной» государственности, но включала в себя и содержательный анализ принципов организации власти домонгольской Руси. В отписке статьи В.Т. Пашуто разметил текст на «параграфы»: «собор», «вече» и т. д., из которых потом будет состоять его раздел книги «Древнерусское государство» (см. рис. 1). Кстати, и объект его критики — «теория соборности» стала в наши дни исключительно популярна в религиозной социальной философии и околонуточной публицистике.

Первый параграф раздела «Черты политического строя» — «Собор» — открывает перечень институтов власти Древней Руси. Существование отдельного властного «представительского» института «собор» вызывает некоторые сомнения, и определенный скепсис по этому поводу чувствуется уже в работе Я.Н. Шапова³. Но можно полностью согласиться с В.Т. Пашуто, что приводимые им случаи «соборов» — это примеры расширенного совета при князе, причем, можно добавить, созданные в связи с экстраординарными обстоятельствами. Другое дело, что за определением (условно, «термином») «собор» не было закреплено одно единственное значение, это слово применялось к самым разным случаям собраний людей. Видеть в соборе особую форму совещательной практики, видимо, нет веских оснований. Тем более, не доказана историческая связь между домонгольскими соборами и расширенными советами с соборами времени Московской Руси⁴. Однако, полностью исключить их историческую преемственность априорно тоже нельзя.

Несколько иная ситуация связана с другим «сословным» органом власти — советом при князе. Определение В.Т. Пашуто — «верховный орган власти раннефеодального государства» — скорее дань даже не идеологической «лингвистической моде», а складу научной терминологии. Вопрос о совете А.А. Горский назвал «спорным»⁵. Проанализировав сообщения о советах/думе, исследователь дружины приходит к выводу, что перед нами не «учреждение с какой-либо

³ Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 184–185.

⁴ См., например: Петрухин В.Я. Древняя Русь: народ, князь, религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. Древняя Русь. С. 227.

⁵ Горский А.А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989. С. 61–64.

О МНИМОЙ СОБОРНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В белоэмигрантской литературе давно живет миф о всенародной соборности как исконном элементе истории Русского государства. Этот миф пережил породивших его авторов и ныне воспринят реакционной буржуазной историографией, которая ищет средств доказать, что история России стоит «вне закона», а потому непримлема для «Европы» порожденная этой историей социалистическая революция. Так, идею борьбу с революцией

Этот поборник древнерусской народной соборности почему-то не обращается к сколько-нибудь полному анализу известных о соборе в летописях. Известий немного, и они вполне доступны пониманию.

Термин «собор» (сбор) имеет несколько значений. Впервые встречаем это слово в связи с описанием перенесения в Киеве мощей Бориса и Глеба: «И бысть с бор велик, шедшихо народу с всих стран». Помимо церковной знати, здесь были «к и язи же и бояре, и вси людье». Это — не собор, а праздник, который продолжался три дня. Его описание любопытно для оценки взгляда книжника на народ. Дело в том, что во время выноса мощей толпы заполнили город: «не бе лзе вести от множества народа: поламляху воръ, а нини и покрили бяху град и

Но что Г. Вернадскому Русь, когда источник всякого прогресса он привык олицетворять с «Западом»? Вот он и пишет, что «лишь в Западной Украине отдельные феодальные обычаи и институты развивались отчасти как результат иноземного влияния (а в основном как что?— В. П.)... Галицкие бояре пытались отстоять себя как феодальная аристократия»⁶⁰. А новгородские и псковские, стало быть, не пытались? *52 Совет.*

Второй элемент — боярский совет, дума. Говоря об элементах власти и соотношении между ними, белоэмигрантские историки и, в частности, Г. Вернадский игнорируют их классовую природу. Между тем анализ известных о княжеском совете, а также о снеме (почему-то оставленном без внимания поборниками соборности) позволяет вполне определенно ответить на вопрос о месте этих институтов среди органов власти и о возможности признания их выразителями всенародной соборной воли «земли».

Первые сведения о совете восходят к локтевской стагине и

Снем — орган государственной власти феодалов, решавший коренные вопросы, относящиеся к общественной организации, государственному строю и внешней политике страны. Никаких следов соборности или народоправства в его деятельности источниками не отмечено.

Поговорим, наконец, о «демократическом элементе» — вече, которое, как пишет Г. Вернадский, действовало «с точки зрения городских интересов»¹³⁰. Спрашивается, а что такое «городской интерес»? Этот автор написал специальную рецензию на исследование М. Н. Тихомирова о древнерусских городах, но так и не понял, что их политическую жизнь раздирали острейшие социальные противоречия.

четкой организационной структурой», а «совещание князя» с ближайшим окружением. Эту мысль позже продолжил П.В. Лукин⁶: он констатирует очевидность «показаний» древнерусских источников, в которых слово «совет» обозначает самые разные собрания, в том числе и вечевые. Вряд ли опытный историк В.Т. Пашуто не знал, что частотная лексема «совет» полисемантична и в древнерусских текстах (как и в современном, кстати, русском языке) приложима к самым разным ситуациям. Но это не отменяет того простого факта, что в ряде случаев «советом» летописец называет определенное, неоднократно повторяющееся событие, связанное с реализацией властных функций князя и его (дружинного в своем большинстве) окружения. Совет/совещание при князе вполне выдерживает проверку на «политическую институциональность», другое дело, что интерпретация отдельных конкретных случаев может быть предметом споров.

В.Т. Пашуто практически впервые в советской историографии обратил должное внимание на съезды («снемы») князей. Во время написания книги господствовала достаточно ограниченная (и по набору рассматриваемых эпизодов, и по интерпретации их политического содержания) трактовка этого феномена, предложенная Б.Д. Грековым⁷. После дореволюционной статьи Г.Г. Тельберга⁸ и абсолютно забытой работы конца 20-х годов Виктора⁹ Новицкого¹⁰ глава В.Т. Пашуто — первое полноценное рассмотрение статистически значимой серии прецедентов княжеских съездов. Выводы В.Т. Пашуто о политических задачах и круге вопросов, решаемых на между-

⁶ Лукин П.В. К вопросу о так называемом совете в домонгольской Руси // ДГ. 2003 г. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 132–142.

⁷ Греков Б.Д. Киевская Русь // Греков Б.Д. Избранные труды. М., 1959. Т. II. С. 398–400.

⁸ Тельберг Г.Г. Несколько замечаний о междукняжеских снечах в древней Руси // ЖМНП. 1905. № 6. С. 332–338.

⁹ Отчество В. Новицкого мне не известно, и, видимо, не может быть установлено без специальных архивных изысканий.

¹⁰ Новицкий В. Снеми Руської Землі X–XII вв. // Праці комісії для вивчення історії західно-руського та українського права. Київ, 1927. Вип. 3 / Под ред. акад. Н.П. Василенка. С. 1–58. Идеи В. Новицкого о снече/совете старших князей как о верховном органе власти на Руси конца XI — начала XIII веков звучат и у В.Т. Пашуто (Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 76, 82), но эта мини-монография вряд ли была ему известна.

княжеских встречах, корректны и открывают новые перспективы: на их основе стало возможным дальнейшее исследование темы¹¹.

Вокруг древнерусского и — шире — славянского веча дискуссия ведется уже на протяжении почти двух столетий. В.Т. Пашуто в своем очерке, по сути, предлагает классическую трактовку веча как архаичного института народного собрания, трансформировавшегося в феодальном обществе в аристократический орган власти. Однако именно в этом разделе звучит важная и все еще недооцененная мысль В.Т. Пашуто о том, что рассмотренные властные совещательные институты — суть «*видоизменяющиеся политические формы*». Учет изменчивости и нестабильности властных органов в древнерусском обществе позволит последующим исследователям значительно продвинуться в понимании принципов организации власти Древней Руси. Не случайно, история веча стала предметом ряда современных исследований. Принципы описания вечевых собраний в летописях изучены в ряде статей Т.В. Вилкул¹². Рассмотрение исторического контекста вечевых прецедентов, социальной сущности и эволюции «веча» продолжает П.В. Лукин¹³. Развернутая критика понимания веча как политического института была предпринята Ю. Гранбергом, который проделал большую работу по анализу летописных упоминаний веча и «терминов», которые обозначают этот феномен¹⁴. Однако отказ признавать вече политическим институтом

¹¹ Щавелев А.С. Съезды князей как политический институт Древней Руси // ДГ. 2004 г. Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 268–278; *Он же*. Процедура съезда князей // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2007. С. 297–301.

¹² Вилкул Т.Л. «Людьє» и князь в конструкциях летописцев XI–XIII вв. / Ruthenica. Київ, 2007. Supplementum I; *Она же*. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII в. М., 2009.

¹³ Лукин П.В. Вече: социальный состав // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь. С. 33–147; *Он же*. Вече, племенные собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 70–130; *Он же*. О так называемой многозначности понятия «вече» в русских летописях. Домонгольское время // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005. С. 36–83.

¹⁴ Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: функции и терминология // ДГ. 2004 г. Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 3–163; *Granberg J. Veche in the Chronicles of Medieval Rus. A Study of Functions and Terminology.* Göteborg, 2004. Рец.: Лукин П.В. Терминологический анализ: плюсы и минусы (По поводу монографии Юнаса Гранберга о древнерусском вече) // Средневековая Русь. М., 2009. № 8. С. 215–243).

имплицитно предполагает, что в средневековом обществе существовали жестко фиксированные, устойчивые институты, тогда как само определение «политический институт» (так же как и «потестарный институт») достаточно условно, а историческое содержание «институтов» подвержено — как справедливо отметил В.Т. Пашуто — изменениям. Таким образом, если вывод историка о связи городского веча в Древней Руси с догосударственными племенными собраниями отвергнут всеми тремя новейшими исследователями веча, то вопрос о степени «институциональности» органов власти на Руси и их трансформации заслуживает дальнейшего изучения.

При анализе «ряды» В.Т. Пашуто сосредотачивает свое внимание на договорах князя и элиты городов. Ясно, что это некоторое сужение проблемы — «ряды» заключались и между князьями. Тем не менее, обсуждение внутренней договорной практики Древней Руси как особой проблемы (более подробно, но все еще скорее в форме конспекта, она была рассмотрена в последней статье В.Т. Пашуто «Опыт периодизации истории русской дипломатии»¹⁵) принципиально важно: она все еще остается мало исследованной, особенно с точки зрения реконструкции неявных, «мерцающих» в летописных известиях следов договорной практики, например, «династических проектов» наиболее сильных из князей-Рюриковичей¹⁶.

Более уязвима «феодальная» интерпретация «подручничества» и «кормления». Определение «подручник», судя по всему, бранный гапакс политической риторики Древней Руси¹⁷; это слово обозначает просто слугу, никакой же группы князей-подручников, насколько представляется по источникам, в среде Рюриковичей не было. До сих пор остается не совсем ясным вопрос о генезисе «местничества» в Московской Руси и возможности реконструкции его домонгольских протоформ.

Разделы «обязанности вассала» и «княжеский суд» — если отвлечься от «феодальной» терминологии — короткие, но емкие экскурсы в политическую этику Древней Руси. Это направление исследований стало крайне популярно в постсоветской историографии, но многие наблюдения В.Т. Пашуто не устарели до сих пор.

¹⁵ Публикуется в настоящем сборнике.

¹⁶ Назаренко А.В. Династический проект Владимира Мономаха: попытка реформы киевского столонаследия в 30-е годы XII века // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 88–102.

¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 573.

«Коллективный сюзеренитет» старших князей над Киевом и Русью признан современными исследователями княжеской власти фикцией: в монографии А.П. Толочко дана ее развернутая критика¹⁸, со справедливостью которой согласился и рецензент монографии А.В. Назаренко¹⁹. Однако вряд ли может быть с легкостью полностью отброшена мысль В.Т. Пашуто о сохранении в удельный период ряда явлений, поддерживавших единство домонгольской Руси: церковная организация, княжеский род, восходящий к одному первоначальному, сходный набор политических практик и ритуалов власти, наконец, общая историческая память и др.; гипотеза о «коллективном сюзеренитете» как политической скрепе должна была служить еще одним аргументом в пользу его концепции. И хотя критика концепции В.Т. Пашуто имеет под собой основания и базируется на целом ряде показаний источников, однако, при этом забывается, что и его гипотезы опираются на обширное собрание фактов. Установка же на поиск интегративных моментов в истории домонгольской Руси, попытки найти контраргументы против идеи ее тотального распада в период «феодальной раздробленности», и вообще исследование соотношения общего и особенного в домонгольское и постмонгольское время, дезинтегрального и интегрального в истории Киевской Руси остаются актуальными.

В.Т. Пашуто сумел создать четкую схему «черт политического строя» Древней Руси, хотя такая структурная модель потребовала определенного упрощения политической реальности, выполненной, впрочем, чрезвычайно корректно. Представляется, что историк вполне понимал условность разделения прецедентов «совета», «собора», «веча», «съезда» на отдельные «политические институты». При этом в исследовании каждого явления он опирался на группы более или менее бесспорных случаев (принцип «репрезентативной выборки»), которые определены самими источниками или надежно интерпретированы исследователями как «вече», «совет с дружиной», «снем князей» и т. п.

Сейчас все чаще звучит критика применения термина «политический/правовой институт» в отношении ранних, архаичных и средне-

¹⁸ Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 54–66.

¹⁹ Назаренко А.В. К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси. Замечания и размышления по поводу книги: Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992 // Средневековая Русь. М., 1992. № 2. С. 178–180.

вековых государств. Формы осуществления власти рассматриваются как набор устоявшихся процедур и типических «исторических ситуаций»²⁰, а не как жестко закреплённый юридически и теоретически осмысленный «институт» со строго демаркированной функциональной компетенцией. Применительно к архаичным и средневековым обществам речь ныне идет только о регулярно повторяющихся «практиках» власти. Но за этой критикой стоит скорее изменение научно-теоретической моды, а не какой-то принципиальный методологический прорыв. Вне зависимости от терминов проблема каждый раз заключается в интерпретации конкретных известий источников об отдельных ситуациях-прецедентах.

«Истоки древнерусского государства» — самая спорная и богатая историографией тема русской медиевистики. В.Т. Пашуто сосредоточил свое внимание на сущности восточнославянских общностей — «племен». Он видит в них политические, а не «этнические»/«этнографические» объединения. Продолжением этой темы стала его статья о «славянских племенах». В ней он полемизирует с ведущим археологом, занимавшимся древностями славянских «племен», — И.И. Ляпушкиным, доказывая политический характер «племенных княжений».

Решение спора о «политическом» или «этническом» (еще один вариант — «этносоциальном») характере славянских «племен», видимо, требует отказа от жесткого противопоставления этих определений. Упомянутые в летописях «племена» не были однотипны по принципам общественной организации и не принадлежали к одному таксономическому уровню социально-политического развития²¹. Другими словами, среди «племенных» этнонимов летописи есть названия политических общностей, этнографических (этносоциальных) групп и даже гораздо более мелких объединений²². Но сама дискуссия, в которую были вовлечены историки, археологи, лингвисты и этнологи, стала самым длительным (ее начало фактически

²⁰ Как кажется, впервые в постсоветской историографии эксплицитно это было сформулировано в статье: *Бойцов М.А.* Накануне. Ахенские коронационные въезды под разными углами зрения // *Одиссей. Человек в истории.* 1997. М., 1998. С. 172.

²¹ Ср.: *Шинаков Е.А.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // *Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика.* СПб., 2000. С. 303–346.

²² Гораздо сложнее определить, какая по своей сути общность стоит за каждым из этнонимов.

положено знаменитой статьей А.А. Спицына 1899 года²³) и интересным сюжетом русской медиевистики, требующим и заслуживающим отдельного историографического исследования.

Статья «Голодные годы древней Руси» уникальна для советской историографии и по тематике, и по глубине разработки проблемы: дореволюционные работы на эту тему носят общий характер и посвящены более поздним периодам. Статья анонимно принимает эстафету замечательного исследования выдающегося русского мыслителя, пассажира «философского парохода» П.А. Сорокина²⁴. Книга П.А. Сорокина была запрещена советской цензурой и впервые была полностью опубликована в переводе на английский язык в 1942 году. Возможно, В.Т. Пашуто был знаком с ее текстом или с общим замыслом П.А. Сорокина, или с серьезно сокращенным подцензурным текстом русского издания книги.

В этой работе со ссылкой на публикацию в знаменитом французском журнале «Анналы» В.Т. Пашуто ставит сакраментальный вопрос русской истории: «Не кроется ли в климатических условиях одна из причин отставания русской средневековой экономики?» и обстоятельно показывает, что наряду с влиянием естественно-географической среды, важнейшую роль играли факторы социально-политические: «Феодальный общественный строй с его примитивным натуральным хозяйством, суровой эксплуатацией крестьян и экономической раздробленностью был чреват частыми неурожаями, вызывавшими голод во всей стране или в отдельных ее частях. Политическая раздробленность Руси, борьба между феодалами за ренту, торговая вражда городов порождали дороговизну и усугубляли бедствия пораженных голодом земель». Развитием этой темы станет фундаментальное исследование Л.В. Милова «Великорусский пахарь»²⁵.

Наконец, заслуживает внимания уникальный для его времени взгляд В.Т. Пашуто на трансконтинентальные нити культурных взаимовлияний и дипломатических связей в средневековье. Избегая

²³ Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. СПб., 1899. Ч. 324. Август. С. 301–340.

²⁴ Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003 (написана в 1922 г.).

²⁵ Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // ВИ. 1992. № 4–5. С. 37–56; Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

«евразийского соблазна» глобальных геополитических построений, В.Т. Пашуто видел серьезную ущербность убежденности историков в том, что древние и средневековые цивилизации были замкнуты в своих политических границах и культурных ареалах своих языков и религий. Имена Джованни Плано Карпини, Вильгельма Рубрика, Марко Поло и Афанасия Никитина стали хрестоматийными. Но им «навстречу», бросая вызов пространству, шли их менее знаменитые коллеги-путешественники из Поднебесной империи — монахи-несториане уйгуры Ябалаха III и Саума²⁶. За этими эпизодами, за отдельными проявлениями внешней политики Папской курии или «кибиточных политиков» Монгольской державы В.Т. Пашуто ощущал — и стремился исследовать — круговорот людей и технологий (например, знаменитая легенда о вывозе в Византию шелкопряда из Китая²⁷), текстов и идей, предметов роскоши и редкостей в Евразии, что было нормой, а не случайным исключением в Средние века.

Работы В.Т. Пашуто отличает главная черта, утраченная многими современными исследователями, — его анализ направлен на решение четко сформулированной и поставленной исторической проблемы, его источниковедческие изыскания не являются самоцелью, а служат обоснованию новых исторических выводов. Именно поэтому темы, выбранные В.Т. Пашуто, часто связаны с социологическими и философскими вопросами («соборность», «природно-климатический фактор», «политическое и/или этническое», «геокультурные горизонты»), но для рассмотрения этих проблем предлагается конкретное историческое решение, основанное на прочном фундаменте источников.

²⁶ История мар Ябалахи III и раббан Саумы / Исслед. и пер. с сирийского Н.В. Пигулевской. М., 1958.

²⁷ Костин Ю. Из истории китайско-византийских отношений // ВВ. 1958. Т. 13. С. 292–297.

Е.Н. Швейковская

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ В ТРУДАХ В.Т. ПАШУТО

Я останавлиюсь на научной деятельности В.Т. Пашуто, которая заслонена его огромной созидательной работой по созданию сектора древнейших государств на территории СССР. Именно ею ученый занимался с 1968 г. Вместе с тем он отдавал немало сил и творческой энергии направлению, господствовавшему тогда в институтских планах, а именно — социально-экономической истории.

В данной статье я не ставлю целью дать всестороннюю характеристику его исследованиям в этой области, а намечу основные вехи работы на этом направлении. Уже в монографии В.Т. о судьбах Галицко-Волынской Руси присутствует обширная глава о социально-экономических отношениях в юго-западной Руси. В ней ученый проследил формирование и рост крупного феодального землевладения, которое шло параллельно с социальным структурированием в боярско-княжеской среде. Экономическая компонента органично вписана в рассмотрение общественного устройства. В.Т. разбирает отношения собственности, а она имела расчлененный вид. Привилегированное боярское землевладение выступало в двух главных формах: одна из них представлена полной собственностью владельцев (аллод), и другая обусловлена службой (бенефиций и феодал). Ученый выявил тенденцию к слиянию этих двух форм землевладения и установил для XII–XIII вв. превращение временных пожизненных держаний в наследственные вотчины (феода в аллодиальную землю). В непосредственной связи с ростом крупного землевладения (и экономическим и правовым усилением феодалов) ученый говорит о судьбах сельского населения. По мере роста крупного землевладения и становления вотчины-сеньории свободные крестьяне-общинники превращались в зависимых от своих землевладельцев,

обязанных им уплатой оброка, а также несением повинностей и платежей в пользу государства.

Передача светскими лицами земель, сел и волостей монастырям в виде вкладов и пожалований было таким же распространенным явлением, как и раздача великокняжеской властью населенных земель в руки частных владельцев за обязанность «службы», с наделением их правами сеньора. Ученый выяснил, что вотчины XIII–XIV в. отличались от вотчин киевской поры своими разросшимися размерами в целом, укрупнением боярских дворов и земельных массивов, а главное, использованием труда крестьян, сидящих на оброке¹.

Книга В.Т. вышла из печати в конце 1950 г. В конце же 1949 г. учитель ученого Б.Д. Греков возглавил созданную в Институте истории АН СССР Комиссию по истории земледелия. В ее образовании претворился в жизнь проект, выношенный Б.Д. Грековым и С.И. Вавиловым, который, как считает Н.А. Горская, «должен был, хотя бы частично, послужить воплощению в жизнь погибшей мечты Николая Ивановича Вавилова»². Замысел Грекова состоял в издании отдельных сборников материалов, которые бы в дальнейшем стали основой большого обобщающего труда по истории русского земледелия и его распространения на восток страны. Под редакцией Грекова вышло 2 тома (2-й в 1956 г.), в которые вошли исследования по истории земледелия в дофеодальный и феодальный периоды.

В 1950 и 1951 гг. Б.Д. Греков выступил организатором двух первых всесоюзных конференций по истории производительных сил в земледелии. Именно эта деятельность ученого, пишет Н.А. Горская, «лежит в основе и другого начинания, развернувшегося с конца 1950-х годов по инициативе С.Д. Сказкина, В.К. Яцунского и эстонских ученых во главе с Х.Х. Круусом»³. Имеется в виду основание Симпозиума по изучению проблем аграрной истории как регулярной конференции. Итак, идея и инициатива учреждения форума историков-аграрников, каким стал Симпозиум, разработка плана его организации принадлежали специалистам по истории России феодального периода. Первая сессия Симпозиума состоялась в 1958 г.

¹ Паушто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 152–155.

² Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 187.

³ Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 107–108.

Хронологически его тематика первоначально охватывала период с XVI (впоследствии с древнейших времен) по конец XIX века, и в этих временных рамках работали 4 секции. Только через 7 лет, в 1965 г. появилась пятая секция — по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. По 1972 год сессии Симпозиума созывались ежегодно, а затем один раз в два года.

Симпозиум, начав свою научную жизнь в 1958 г., действует по настоящее время, и в 2008 г. состоялась его юбилейная, приуроченная к 50-летию, XXXI сессия. Направлял и направляет работу Симпозиума Оргкомитет. Его председателями были такие ученые как акад. С.Д. Сказкин, член-корр. В.И. Шунков, академики Ю.В. Бромлей и В.Л. Янин.

В 1978–1982 годах возглавлял Оргкомитет член-корр. (с 1976 г.) В.Т. Пашуто. Однако и до своего руководства Симпозиумом В.Т. участвовал в его работе. Так, в 1962 г., на сессии в Минске, В.Т. выступил с интересным докладом о голодных годах в Древней Руси. Он проследил, главным образом, на летописном материале сведения о голодных годах, а также об эпидемиях и эпизоотиях, о нашествиях и войнах. На время с 1024 по 1332 г. (за 308 лет) пришлось 42 голодных года, т.е. голод следовал с частотой раз в 7 лет. В.Т. проанализировал причины голода и его последствия; частоту эпидемий на примере Пскова и Новгорода в XIV–XV в. Ученый рассмотрел последствия голода, спекуляцию хлебом, бегство и переселение людей из голодных районов, похолопление свободных людей, увеличение закупничества-закладничества и, как следствие, нарастание и обострение социальных противоречий. В.Т. считал, что бедствия голодных лет на Руси схожи с таковыми в странах Европы и, кроме того, были усугублены «гибельными последствиями набегов и господства кочевников»⁴. Эта работа ученого не только не утратила своего значения, но остается актуальной для сегодняшней историографии. Историки России XX в., участвующие в нескольких последних сессиях Симпозиума, изучают голодоморы советского времени 1920-х, 1930-х годов и локальные голодовки послевоенного времени.

На VI сессии Симпозиума 1963 г. в Вильнюсе рассматривались вопросы о производительных силах в сельском хозяйстве на разных хронологических этапах и в разных регионах, о степени товарно-

⁴ Пашуто В.Т. Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964.

сти аграрного производства, уровне феодальной ренты и развитии феодального землевладения. На ней Пашуто выступил с пленарным докладом, в котором подробно охарактеризовал существовавшие к тому времени в зарубежной историографии концепции об аграрной истории России периода феодализма. Развитие капиталистических отношений, в том числе в аграрной сфере, не мыслилось тогда вне контекста антифеодальной и национальной борьбы крестьян. Вильнюсская сессия сосредоточилась на этой теме в связи со столетием восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине.

Во второй половине 1960-х годов В.Т. Пашуто вместе с Л.В. Черепниным и А.П. Новосельцевым участвует в создании труда, сравнительно-исторического и вместе с тем типологического характера. Он вышел в 1972 г. под названием «Пути развития феодализма», хотя первоначально авторское название было другим — «На пути (путях) феодализма». В центре внимания соавторов генезис и развитие феодализма на его ранней стадии в четырех крупных регионах страны: закавказском, среднеазиатском, древнерусском и прибалтийском. Основной объект изучения — определение состояния земельной собственности общины ко времени образования государства. От той или иной формы общины и уровня ее развития при возникновении государства зависит вызревание феодальной собственности и формирование общественных классов. Рассмотрение собственности подчинено характеристике эволюции ее государственной и частной форм, а в последней выясняется — крестьянская и феодальная. Авторы считали: «Типология не — самоцель, она должна помочь постепенному познанию истории, прежде всего *аграрного строя* четырех регионов — стержневой проблемы их общественно-политического развития в докапиталистический период, более глубокому познанию его закономерности»⁵.

Перу В.Т. в этой монографии, как известно, принадлежит раздел «Страны Прибалтийского региона». Автор во главу угла ставит не страноведческий подход, а структурно-типологический. Собственно главный раздел назван: «особенности раннефеодальной структуры». В нем ученый раскрыл сложность общественно-политической структуры в регионе. В нем происходил переход от патриархально-

⁵ Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 5, 8.

общинного к феодальному строю. Основная масса земледельцев-общинников была еще лично свободна, но уже появился слой знати по титулу с наследственной собственностью на землю, челядью и зависимыми людьми. Однако знать при ее ведущей роли в управлении землями и их конфедерацией не слилась в единое господствующее наследственное сословие. Разделение общества на феодалов и крестьян не завершилось. Историк убедился в неравномерности и отсутствии единообразия в развитии структуры для разных областей прибалтийского региона от ранних форм в части Эстонии до наиболее зрелых в Литве, где складывалось раннефеодальное государство⁶.

Таким образом, в занятиях В.Т. социально-экономическими проблемами немалое место занимали сложные темы большой и дискуссионной проблемы о феодальной собственности — ее складывание, иерархичность, поглощение ею общинных земель вместе с населявшими их земледельцами (той поры), их превращение из свободных в зависимых.

Итак, под председательством Пашуто были подготовлены и проведены 3 сессии Симпозиума по аграрной истории: 1978 г. в Ростове на Дону, 1980 г. в Воронеже и 1982 г. в Уфе. Следует отметить тот факт, что далеко не сразу, а лишь со второй половины 1970-х гг. на обсуждение Симпозиума стала выноситься, как правило, одна крупная проблема, сквозная для всех хронологических периодов и соответственно секций. Как раз, сессии под руководством В.Т. обсуждали крупные проблемы: XVII-я 1978 г. (Ростов-на-Дону) «Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества», XVIII-я 1980 г. (Воронеж) «Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии». Замечу, что Симпозиум, как историческая наука в целом, обязан был откликаться на решения съездов КПСС, что нашло отражение в тематике его сессий. Под главенством В.Т. XIX сессия 1982 г. рассматривала проблему «XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР. Социально-политическое развитие деревни» (Уфа). Как следует из приведенной формулировки, Оргкомитет Симпозиума конкретно обсуждаемую тему сопровождал соответствующей шапкой.

Значительной проблемой, которая не раз поднималась на сессиях и была одной из значимых для 1960–1970-х годов, это — генезис

⁶ Там же. С. 287.

феодалной земельной собственности и ее эволюция. Как раз упомянутая уже ростовская сессия 1978 г. остро дебатировала вопрос о сущности феодалной земельной собственности на землю. Сторонники двух дискутирующих точек зрения — московской и ленинградской — на социальную природу черной волости еще раз обосновали свои не раз зафиксированные позиции. А.Д. Горский, понимая феодалную земельную собственность как разновидность частной собственности с присущими ей чертами — монопольностью, сословностью и привилегированностью, иерархичностью и условностью, рассмотрел ее конкретные формы и виды на Руси в XIV–XV в. и аргументировал положение о сущности “черного” землевладения как разновидности феодалной земельной собственности, а именно, государственно-феодалной ее формы. Ленинградские оппоненты характеризовали «черное» землевладение XV–XVII вв. как непривилегированную крестьянскую земельную собственность. Ее основой они считали общинные земли, поглощаемые феодалной вотчиной и поместьем. Крестьянская земельная собственность, утрачивая свои позиции в центре государства, продолжала существовать на севере страны. Она была значимым фактором социально-экономического развития, базой для генерирования новых форм собственности, порождая при становлении феодализма вотчину и поместье, а при развитии феодализма буржуазные отношения.

Б.Н. Флоря на сравнительном материале Киевской Руси и западнославянских стран — Польши и Чехии показал соотношение разных форм эксплуатации на этапе раннего феодализма — государственной и частно-вотчинной. Он сосредоточил внимание на социальном статусе и специфике эксплуатации населения, вовлеченного в систему княжеского хозяйства. Очень важно выдвинутое ученым положение о том, что эта группа населения обслуживала отрасли княжеского хозяйства, потребности князя и его ближайшего окружения, а в целом верхнего слоя господствующего класса. В.И. Корецкий сконцентрировался на поместной системе XVI в. как виде феодалной собственности. Он подчеркнул, что она, уходя своими корнями в условное владение предшествующих столетий, о чем писал на изучаемом им материале В.Т. Пашуто, свидетельствует об определенной экономической отсталости России. Насаждение поместного землевладения в XVI в. изменило состав господствующего класса, обеспечив власть сторонниками государственной централизации. Этот процесс привел к повышению феодалной эксплуатации.

По мнению В.И. Корецкого, направленность поместной системы против крупного вотчинного землевладения удельно-княжеской аристократии и монастырей четко видна в предопричных и особенно опричных мероприятиях. К концу XVI в. поместная система стала преобладающей в Центральной России, определив дальнейшее существование феодальной собственности.

На этой же сессии Ю.Л. Бессмертный, привлекая сравнительный западноевропейский XI–XIV вв. и русский XIV–XVI вв. материал, проанализировал отношения собственности двух структур государственной и частновладельческой и по компонентам — верховенство, власть, взимания, которые, в принципе, были едины у государей и сеньоров. Он высказал мнение, что в зависимости от конкретно-исторических проявлений “сеньориальная и государственная собственность” не есть жестко обособленные социальные феномены, а диалектически связанные части целого, варианты единой по сущности и строению феодальной собственности.

В непосредственной связи с формами феодальной собственности находятся виды эксплуатации крестьян. Их закрепощение неоднократно обсуждалось на сессиях симпозиума. Проявление региональных особенностей этого неоднозначно протекавшего в XVI–XVII вв. процесса было показано участниками XIX сессии под руководством В.Т. Пашуто В.И. Корецким, В.Б. Кобриным, П.В. Советовым и другими. Историко-правовой подход в приложении к аграрным темам и, прежде всего, к раскрытию положения крестьян на основе законодательства и обычного права четко был осуществлен в выступлениях участников на Воронежской сессии 1980 г.

В.Т. Пашуто в роли председателя Оргкомитета Симпозиума поддерживал компаративный метод в исследованиях аграрной истории, участие медиевистов и ученых других смежных направлений в сессиях. Он выступал за здоровое обсуждение дискуссионных вопросов, был лоялен к мнению и предложениям своих коллег по Оргкомитету. Это подтверждает высказывание В.А. Александрова, который был в то время заместителем председателя Оргкомитета и председателем в секции XVIII в. Предложенный им историко-правовой аспект рассмотрения социально-экономических в целом и аграрных тем в частности, а также другие его научные соображения не встречали по его собственному выражению «возражений со стороны последовательно сменявших друг друга председателей Оргкомитета — В.Т. Пашуто, В.Л. Янина и И.Д. Ковальченко, и... сессии, прошед-

шие на протяжении 15 лет в Ростове на Дону, Воронеже, Уфе, Казани, Таллинне и Минске, прошли плодотворно»⁷.

Те же самые организационные качества, дополненные привлечением к новому делу молодых исследователей, проявились в работе над масштабным проектом по созданию 2-го тома «Истории крестьянства СССР». В.Т. Пашуто вместе с И.Д. Ковальченко стоял у истоков его замысла и был непосредственным руководителем работы по тому. В.Т. на рабочих заседаниях неоднократно говорил и подчеркивал необходимость создания труда именно как проблемного, синтезирующего, призванного аккумулировать имевшиеся к 1980-м годам изыскания по истории производительных сил деревни. В томе уделено внимание накоплению определенного объема материальных ресурсов для утверждения феодального строя и для вычленения его разных этапов. Это важно и для установления исторической типологизации, т. к. она дает возможность выявить качественные скачки в истории феодальных обществ. Однако В.Т. не пришлось увидеть результатов этого труда, в который он вложил много организационных и интеллектуальных сил.

⁷ Александров В.А. Путь в историю, пути в истории (моя жизнь). М., 1998. С. 95.

Часть I

**СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Общественно-политический строй древнерусского государства

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древняя Русь... Сколько книг и статей посвящено ей. Сколько споров разгорается вокруг нее... Возникают все новые и новые проблемы истории столь далекой от нас и столь близкой нам Древней Руси.

Советскими историками выполнена гигантская работа. Многое выяснено, но многое еще не раскрыто.

Недостаточно исследована история расслоения крестьянства и влияние этого процесса на развитие форм классовой борьбы, на эволюцию законодательства, на государственную структуру страны.

В связи с отставанием нашей истории права остаются неизученными многие важные институты государственного строя, такие, как собор, снем, вече. Мало изучена история этнической структуры Древнерусского государства как государства, объединившего целый ряд народов Восточной Европы. Недостаточно учитывался также феодальный характер властвования над этими народами древнерусских князей и бояр.

Между тем наши идейные противники, особенно историки США и ФРГ, пользуются имеющимися в советской медиевистике проблемами. Сейчас некоторые буржуазные зарубежные авторы одержимы идеей, которая сводится к тому, что Древняя Русь не знала устойчивого государственного строя, не знала строго очерченных сословий и потому Древнерусское государство было общенародным и в то же время выражало якобы присущий русским «империалистический дух».

Вот почему историку Древней Руси еще рано откладывать перо в сторону. Нет, изучение закономерностей истории Родины, защиты ее прошлого от наветов недругов зовут к творчеству.

Авторы этого коллективного труда ставили своей целью осветить спорные или забытые вопросы общественной, государственно-

политической и международной истории Древней Руси. Книга состоит из ряда очерков, связанных единством темы, замысла, методологии, методики и конечных выводов.

Основанная на достижениях русской медиевистики, книга старается дать ответ на новые теоретические вопросы, вставшие перед наукой в связи с творческим подъемом, вызванным историческими решениями XX, XXI и XXII съездов КПСС.

Этот труд имеет и другой, историографический аспект. Марксистскими работами последних лет достаточно полно вскрыты социологические, теоретические основы современной зарубежной буржуазной концепции древней Руси (см.: «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». М., 1962). В настоящем издании авторы стремились противопоставить названной концепции позитивное изложение проблемы развития Древнерусского государства, обосновав свое понимание этого процесса развернутой источниковедческой аргументацией. Они старались показать феодальную сущность общественного строя Древней Руси, классовую природу ее государственной организации, заодно предложить и некоторые новые направления методики анализа русских и иностранных материалов.

Перед авторами стояла задача расширения источниковедческой базы и усовершенствования методики исследования используемого материала. В последние годы наука обогатилась таким ценным и ранее неизвестным источником, как берестяные грамоты, извлеченные из-под земли в Новгороде усилиями археологов. Берестяные грамоты освещают разные стороны социально-экономической и политической жизни Древнерусского государства. Кроме того, они проливают новый свет на некоторые темные места Начальной летописи и Русской Правды, позволяют в ряде случаев по-новому понять тексты этих памятников и сделать важные выводы, касающиеся общественного развития Древней Руси.

Еще далеко не все выполнено исследователями в области текстологического анализа самой Русской Правды путем применения метода сопоставления содержащихся в ней сведений с данными летописи, памятников общественной мысли и публицистики, договоров Руси с Византией и других древнейших актов, источников церковного характера. Думается, что результаты такого сравнительного анализа, приведенные в книге, способствуют новому пониманию ряда явлений в истории Древнерусского государства.

Заново проведена работа по изучению рукописей, содержащих древнейшие княжеские уставы, освещающие многие стороны древнерусского общественно-политического строя и права, в частности, проблему взаимоотношения государства и церкви в процессе феодализации.

Наряду с русскими источниками большой интерес представляют источники иностранные. В научный оборот уже давно введены произведения средневековых восточных авторов (арабских, персидских и др.). Но они использовались часто в очень несовершенных переводах и без предварительного критического анализа их текстов и содержащихся в них сведений. Заново обработанные и критически проверенные, они помогают более полно, детально и правильно осветить остающиеся еще темными вопросы Древнерусского государства, в том числе на ранних этапах его истории.

Если сочинения византийских авторов, писавших о восточных славянах и Руси, исследованы уже достаточно, то произведения западноевропейских средневековых писателей на латинском языке еще в должной мере не изучены. В настоящей книге собрано и обобщено значительное количество малоизвестных сведений, извлеченных из латинских хроник и других памятников письменности. Они обогащают наши представления о Древней Руси.

Авторы считают, что наиболее надежным приемом обработки источников является их комплексное изучение, позволяющее взаимно проверять данные, содержащиеся как в памятниках древнерусской письменности, так и в иностранных источниках.

Коренной вопрос социально-экономической истории Древней Руси — аграрный — освещается в связи с анализом этапов законодательства, как они отразились в Русской Правде. Изучение этого источника в связи с летописными и нарративными известиями позволяет вскрыть процесс расслоения общины и борьбы феодализируемых групп крестьян — изгоев, смердов, закупов, — выявить источники самого права, а также показать гибкость государственной власти, которая, расширяя нормы права (заменяя казуальные абстрактными), совершенствовала аппарат угнетения.

Текстологический анализ Русской Правды позволяет восстановить фрагменты древнерусского законодательства, восходящего еще к концу X в., ко временам князя Олега, при котором произошло объединение под властью киевского князя крупнейших экономических и политических центров того времени — Киева и Новгорода. Это за-

конодательство включало в себя в значительной мере обычное право восточных славян, причем институты родоплеменного строя княжеская власть ставила на службу раннефеодальному государству.

Дальнейшее изучение разновременных юридических пластов, отложившихся в дошедших до нас редакциях Русской Правды (Краткой и Пространной), дает возможность проследить постепенное вытеснение правовых норм дофеодальной поры нормами классового, феодального общества. Удастся установить, что отдельные части Русской Правды возникли в наиболее сложные и острые моменты истории Древнерусского государства, когда обострялась классовая борьба в стране, выливаясь в массовые народные движения. Таким образом, через Русскую Правду можно уловить, как развитие феодальных отношений определяло характер и формы классовой борьбы, а классовая борьба влияла на изменение государственного строя и эволюцию права. Выявляются ведущие линии общественно-политической истории от образования раннефеодального государства до его расчленения на ряд отдельных княжеств и республик. Раскрывается во всем конкретном многообразии основа этого процесса — складывание феодального способа производства, образование различных категорий зависимого от феодальных собственников населения, рост феодальной эксплуатации в ее различных формах.

Процесс феодализации получил свое выражение и в церковном законодательстве. Княжеские церковные уставы изучаются в книге как своего рода договоры представителей светской и духовной власти о разделе земли, ренты, подданных, об иммунитете.

Этот процесс может быть прослежен и в истории таких институтов, как совет, снем, собор, ряд, вече, местничество, вассалитет, княжеский суд и подобные институты политической организации собственно Руси, а также органы власти и управления, характеризующие структуру Древнерусского государства в целом.

Древнерусское государство включало свыше двадцати народов. Оно было закономерно возникшей политической общностью и сыграло прогрессивную роль в истории многих земледельческих, кочевых и промысловых народов.

Но это было вовсе не народное, бессловное, а классовое феодальное государство. Под гнетом русских феодалов изнывали и русские холопы, закупы, смерды, и трудовое население сел и городов других подвластных Руси народов. Экономическую основу этого государства составляло естественно-географическое разделение труда,

исторически сложившаяся неравномерность развития хозяйства у отдельных народов нашей страны.

Политическая структура этого государства была основана на вассалитете подвластной знати и различных формах данничества народов.

Это государство, видоизменяя свою форму, просуществовало вплоть до 30-х годов XIII в. Его ослабляли феодальные распри. Растущие классовые противоречия и движения подвластных народов подрывали его. Оно пало под ударами монгольской Орды.

Господство последней принесло тяжелейший гнет народам, часть которых (половцы, болгары и др.) исчезла с карты мира. Однако процесс консолидации народов не заглох, потому что Древнерусское государство в отличие от непрочных империй имело преобладающее, славянское ядро, глубокие корни в дофеодальной народной колонизации, значительные традиции борьбы народов против социального гнета и за независимость. Последующее возрождение придавленных Ордой, Орденом и другими захватчиками народов начинается с образованием и укреплением Русского централизованного государства.

Итак, не все стороны истории Древнерусского государства нашли одинаково полное освещение в книге. Неравномерное распределение внимания к различным сторонам этой истории объясняется двумя причинами: 1) состоянием историографии вопроса; 2) наличием источников и степенью их изученности. Читатель легко убедится, что главное внимание в книге обращено на наименее изученные вопросы — общественно-политический строй, характер государственной организации, положение церкви в системе государственной власти, международное значение Древнерусского государства. А рассмотрение этих проблем глубже раскрывает положение народа, его роль в общественной жизни, его борьбу с социальным и национальным угнетением.

Книга распадается на две неравные части. В первой освещается внутривнутриполитическая история Древней Руси и взаимоотношения ее с подвластными народами. Во второй части говорится о внешнеполитическом положении Древнерусского государства. Восточные, арабские источники рисуют процесс его складывания (VI–IX вв.), западно- и восточноевропейские — процесс развития и расчленения (XI–XIII вв.).

Авторы сознают, что их книга в немалой степени дискуссионна, и хотят надеяться, что вызванный ею обмен мнений позволит лучше понять историческое прошлое нашего народа.

Глава 1

ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Наша историография сплоченно противостоит буржуазной идеологии в понимании характера государственного строя древней Руси, признавая его классовым, феодальным, основанным на эксплуатации, и с этой позиции оценивает органы власти и управления того времени.

В этом очерке мы предлагаем вниманию читателя анализ классовой природы некоторых важнейших институтов государственной власти Древней Руси, а также исследование ряда особенностей вассалитета в связи с дискуссией, возникшей по этой проблеме в международной историографии.

СОБОР

Собор в интересующем нас смысле сословного собрания впервые упоминается в летописи под 1187 г. Под этим годом в волынском своде находим отрывок галицкой летописи, в котором рассказывает, что Ярослав Осмомысл, когда состарился и «позна ся худ», решил передать княжение Олегу, незаконному сыну от Настасьи, в обход Владимира. Он «созва мужи своя и всю Галичкую землю позва же и съборы вся и монастыре и нищия и силныя и худыя». Князь обратился к собравшимся с речью: «Отци и братья и сынове, се уже отхожу света сего суетьнаго и иду ко творчю своему, а согреших паче всих, яко же ин никто же сгреши. А отци, братья, простите и отдайте». И «такو плакашеся, — продолжает летописец, — по три дни передо всеми съборы и передо всеми людми»¹.

¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 656–657.

После выхода в свет труда М.Н. Тихомирова по истории древнерусского города, в котором не только поставлена и разработана проблема городского строя, но и тщательно определен социальный состав горожан², мы вправе отказаться от односторонней трактовки таких терминов, как «киевляне» («кияне»), «галичане», и им подобных, а также «люди», «горожане» и «мужи», отказаться от попыток отождествлять их либо только с феодалами, либо только с торгово-ремесленным населением.

В жизни все было гораздо сложнее, и любой из этих терминов требует при каждом упоминании специального источниковедческого анализа. Например, термин «галичане» употребляется и в широком значении «горожан»³, и в значении только «бояр»⁴. Слово «люди» («людье») имеет в летописи два главных значения: во-первых, люди вообще, вне классов⁵, во-вторых, в сословном смысле слова, с добавлением прилагательных «простые» или «добрые», последнее, как правило, означало купцов.

Нужно, однако, подчеркнуть, что на Руси, где шел процесс формирования правящих сословий — боярства (в меньшей мере дворянства) и духовенства и угнетенного сословия — «людей» (черных, меньших и т. п.), купечество еще не имело очерченных сословных прав. Получая от княжеской власти известные льготы имущественного⁶ и личного⁷ характера, купцы стояли много ниже бояр и в сословном смысле относились к «людям». В этом отношении древнерусское купечество не отличалось от своих зарубежных собратьев⁸.

² Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 158, 166, 174 и др.

³ См., например: ПСРЛ. Т. II. Стб. 750, 758, 777.

⁴ Там же. Стб. 727–728, 774, 791, 793, 931. Ср.: Пауцто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 8, 194–195, 199, 203, 206, 216 и др.

⁵ Ольга, отвергая руку князя Мала, говорит, что ее не пустят «людье киевстии» (ПВЛ. Ч. 1. С. 41); сообщая о прибытии новгородских послов, людей, понятно, нарочитых, летописец замечает: «придоша людье» из Новгорода (Там же. С. 49); христианство принял, говорит летописец, «князь и боляре», а ниже — «князь и людье» (Там же. С. 81).

⁶ Пространная редакция Русской Правды, статьи 48, 54 (ПРП. Вып. 1. С. 113, 114). См.: Данилова Л.В., Пауцто В.Т. Товарное производство на Руси (до XVII в.) // ВИ. 1954. № 1. С. 122.

⁷ См.: Устав князя Ярослава Владимировича, статьи 1, 2, 23 (ПРП. Вып. 1. С. 259, 261).

⁸ См. очень интересную статью Н.А. Сидорова: Сидоров Н.А. Некоторые вопросы истории Франции и советская медиевистика // Средние века. М., 1960. Вып. XVII. С. 65–66; см. также: Пригожин А.Г. Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций // Изв. ГАИМК. Л., 1934. Вып. 68. С. 54.

Возвращаясь к собору 1187 г., заметим, что едва ли Осмомысл три дня кряду повторял свои покаяния. И действительно, ниже упомянута его деловая речь, когда он «молвяшет мужемь своим: “Се аз одиноу худою своею головою ходя удержал всю Галичкую землю, а се приказываю место свое Олгови, сынови своему меншему, а Володимеру даю Перемышль”»⁹.

Собор закончился «рядом», т. е. утверждением княжого распоряжения: Ярослав «урядив я» и «приводи» пострадавшего на этом деле Владимира «ко хресту и мужи галичкыя на семь, яко ему не искати под братом Галича». Чрезвычайное событие в политической жизни — желание князя подкрепить свои действия поддержкой разных групп правящего сословия — породило этот собор, что не помешало, впрочем, галицким мужам по смерти Осмомысла вступить в сговор с Владимиром и передать ему стол¹⁰.

Собор был по составу довольно широк: были созваны князья союзные и вассальные («братья и сынове»), бояре, дворяне и мужи градские («мужи своя», «вся Галичкая земля»), духовная знать — епископы и игумены соборных церквей и монастырей («съборы вся и монастыре», «отци»). Упомянутые летописцем в конце перечня «нищая... и худыя» — это принятый в Древней Руси литературно-церковный оборот и декорум любой «праведной» княжеской кончины.

Думать так заставляет сообщение летописи о роли этих «нищих». Князь «повеле раздавати имение свое монастыремь и нищим и тако даваша по всему Галичю по три дни и не могоша раздавати». А главное — не нищие и убогие, а галицкие мужи были приведены к присяге («приводи Володимера ко хресту и мужи галичкыя»), и именно они затем и сорвали решение собора («бысть мятеж велик в Галичкой земли, и здумавше мужи галичкыи с Володимером, переступивше крестное целование»). Иначе и быть не могло: смешно даже предполагать, что в стране, где законом была Русская Правда, нищие и убогие решали, кому занять княжой стол Осмомысла.

Пытаясь передать Галич по наследству, Осмомысл, конечно, учел печальный опыт своего черниговского собрата Игоря, занявшего киевский стол вопреки воле магистрата. В Киеве тоже произошел

⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 657.

¹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 657; ср.: Стб. 660–661, 664, 666.

«собор» — народное восстание с целью убить Игоря, которое летописец характеризует как «лукавый же нечестивый събор»; в нем нищие и убогие могли участвовать, ибо восставшие «вопяше, глаголя: “побейте, побейте!”» князя¹¹.

Примечательно, что по сходному с галицким поводу был собран собор во Владимиро-Суздальской земле. Здесь в 1211 г. Всеволод Большое Гнездо, желая передать великокняжеский стол сыну Юрию в обход Константина, «созва всех бояр своих городов и с волостей, епископа Иоана и игумены, и попы, и купце, и дворяны, и вси люди, и да сыну своему Юрию Володимерь по собе и води всех к кресту и целоваша вси людие¹² на Юрьи; приказа же ему и братию свою»¹³. Старший сын Константин «слышев то и вздвиже брѣви собе с гневом на братию свою, паче же на Георгия». Кончилось дело тем, что после недолгой распри, приведшей к Липицкой битве, великим князем стал все же Константин¹⁴.

Поражает сходство обстоятельств созыва и результатов галицкого и владимирского соборов. Владимирский собор включает те же сословные группы, что и галицкий, но летопись детальнее характеризует их. Это бояре (вероятно, кормленщики) из городов и волостей, церковная знать (епископ, игумены, попы) и, здесь особо выделенные, купцы и дворяне. Специальное упоминание дворянства и купечества свидетельствует об их возрастающем политическом значении. Можно лишь гадать о том, насколько полно та или иная сословная группа была представлена на этих соборах. В обоих случаях собор созывал сам князь. Созыв подобного рода соборов позволяет говорить о достаточно развитом и оперативно действующем административном аппарате на Руси XII–XIII вв. Собор — это своего рода расширенный совет, созданный для обсуждения сравнительно второстепенного законодательного вопроса. Всенародным его могли считать те, кто правил именем народа, и, конечно, княжеские летописцы. Зако-

¹¹ Там же. Стб. 353.

¹² Конечно, кроме духовенства; летописи знают лишь один случай присяги епископа в Чернигове (ПСРЛ. Т. II. Стб. 522–523, 1164 г.).

¹³ ПСРЛ. Т. XXV. С. 108; ср. сообщение под 1206 г., когда Константина провожали на новгородский стол его отец Всеволод, братья—князья, бояре, купцы и послы тех князей, которые не могли, видимо, прибыть лично (ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 422).

¹⁴ Неудачей кончилась в свое время и попытка Юрия Долгорукого, который (может быть, тоже на соборе) понудил города Ростов, Суздаль и Переяславль присягнуть своим младшим сыновьям Михаилу и Всеволоду, в обход Андрея. Города, «преступивше» присягу, посадили Андрея, «а меньшая выгнаша» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 595).

нодательная деятельность собора не может, однако, идти ни в какое сравнение с той, которую осуществляли княжеские советы и снемы¹⁵.

Хронологически зарождение соборов в нашей стране совпадает с появлением парламента как органа феодальной знати во Франции¹⁶. Монгольское нашествие надолго заглушило развитие этого института на Руси.

СОВЕТ

Первые сведения о совете восходят к докиевской старине и выражены летописцем словом «сдумаша». Этот термин очень непростой и требует в каждом случае отдельного рассмотрения, потому что ранний наш источник — «Повесть временных лет» — памятник не юридический, а повествовательный, притом сложного состава, с сильным церковным акцентом, говорящий о далеком прошлом глухо и в терминах более поздней поры. Летописец писал о политическом строе Руси, и современном и древнем, как о бессловном. Поэтому, когда он сообщает, что «поляне», «сдумавше», решили дать хазарам меч от дыма, то термин «поляне» нужно считать не менее сложным, чем «кияне» или «новгородцы».

Понять этот термин правильно можно лишь в том случае, если видеть в дофеодальной Руси конфедерацию отдельных земель — полян, северян, кривичей и других, которые находились под властью местной знати, не составлявшей еще единого общерусского правящего сословия. Решение полян в приведенном известии — это решение совета знати одной земли¹⁷; а решение руси, чуди, словен, кривичей и других о призвании варягов для «наряда»¹⁸ — это решение совета знати нескольких земель — членов конфедерации. В последней своей работе Б.Д. Греков намечал именно такую трактовку вопроса¹⁹.

¹⁵ В Черниговской земле, кажется, также был созван собор в 1180 г., когда князь Святослав решал вопрос о войне с Киевом и Смоленском. Он тогда «сѣзва все сыны своя и маложышюу братью и совокупи всю Черниговскую сторону и дружину свою и поча думати». Но, может быть, это обычный совет (ПСРЛ. Т. II. Стб. 615)

¹⁶ См.: История государства и права / Под ред. З.М. Черниловского. М., 1949. Т. I. С. 343.

¹⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 16.

¹⁸ Там же. С. 18.

¹⁹ См. его статью о генезисе феодализма в России, помещенную в приложении к книге: *Греков Б.Д. Киевская Русь*. М., 1953. С. 517–534.

Предлагаемое понимание термина «поляне» и сходных в этих текстах можно подкрепить тем, что все это были, по словам летописца, «княжения», т. е. Русь до ее объединения представляла собой конфедерацию княжений, выросших на землях бывших племен. Из истории поморских славян, а также пруссов на аналогичной стадии их общественного развития мы знаем²⁰, что решения той или иной земли принимались советом знати²¹. Наконец, мы имеем убедительное свидетельство о древлянах, бывших непрочной частью нового единого государства. Здесь правили не «велиции князи», подручные Киеву, а местные, сохранившие порядки дофеодалного строя власти.

Древляне вовсе не безвластны, у них есть князь и знать. Когда встал важный для их земли вопрос, «сдумавше со князем» и «послаша» послов к Ольге. Посланные говорят: «посланы... земля», но это не собор земли, ибо сами послы — «лучшие люди», «идеже держать Деревьскую землю», т. е. нобили; ответственность за все дела несут «старейшины», которых Ольга позднее и захватила²². Можно полагать, что там, где объединение земель в одно государство шло более мирно, советы знати земель вливались в совет при великом князе.

Этот совет существовал до торжества феодальной раздробленности и достаточно отражен источниками. Решая вопрос о принятии христианства, Владимир I «созва» не нищих и убогих, а бояр и старцев градских (ниже князь именует их «дружиной»), чтобы получить их совет: «да что ума придасте». Собравшиеся решили сложный вопрос²³.

Термин «дружина» Владимир понимал широко: это бояре, гриди (будущие дворяне), сотские, детские, словом, нарочитые мужи. Эту дружину он любил, «с ними думая о строи землею (т. е. политическом строе. — В.П.), и о ратех (т. е. вопросах мира и войны. — В.П.), и об уставе землею (т. е. о государственном законодательстве. — В.П.)»²⁴. Следовательно, совет раннефеодалной Руси — это

²⁰ Рыбаков Б.А. Древние руссы // СА. 1953. Т. XVII. С. 23–104.

²¹ Пауто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 334–337.

²² ПВЛ. Ч. 1. С. 40, 43; ПСРЛ. Т. II. С. 43–45.

²³ ПВЛ. Ч. 1. С. 74–75. О совете Игоря с дружиной: Там же. С. 34; Святослав, решая идти на Болгарию, известил об этом Ольгу и бояр своих (Там же. С. 48); «старцы и бояре» предлагали Владимиру I метать жребий о жертве богам (Там же. С. 58); ср. «бояре рекоша» (Там же. С. 75).

²⁴ Там же. С. 86.